

DOI: 10.25178/nit.2022.2.13

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Статья

Этнический потенциал Республики Тува в сценариях государственной политики

Максим С. Михалев

Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация

Приграничные районы соседних стран часто формируют трансграничное единство. Оно обладает особым социальным, культурным и политическим ресурсом, иногда принимающим форму этнического потенциала в том случае, если по обе стороны границы проживают трансграничные или схожие по своей культуре народы. Несмотря на то, что приграничье является предметом научных исследований уже довольно давно, роль этнического фактора в его формировании и функционировании редко становится предметом специального интереса. В данной статье выявляется и описывается этнический потенциал Республики Тува Российской Федерации, расположенной на границе с Монголией и при этом связанной историческими узами с Китаем.

Анализируются текущие практики использования этого потенциала. Обнаруживается парадокс, заключающийся в том, что значительный этнический потенциал Тувы до настоящего времени практически не используется государством. Делается предположение: так происходит потому, что отличие пограничья от центра многими до сих пор воспринимается как угроза. В свою очередь, это препятствует принятию культурной непохожести его населения.

Дается комплекс рекомендаций по эффективному вовлечению этнокультурного, этносоциального и этнополитического потенциала населения Республики Тува в единое культурное, политическое и социальное пространство страны.

Ключевые слова: трансграничное пространство; этнический фактор; государственная политика; Тува; Монголия

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Роль этнического фактора в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.)

Для цитирования:

Михалев М. С. Этнический потенциал Республики Тува в сценариях государственной политики // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 188–197. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.13>

Михалев Максим Сергеевич — доктор исторических наук, профессор Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, ст. 1. Тел.: +7 (495) 250-61-18. Эл. адрес: maxmikhalev@yahoo.com

---

MIKHALEV, Maxim Sergeevich, Doctor of History, Full Professor, Center for Social Anthropology, Russian State University for the Humanities. Postal address: 6. b.1, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia. Tel.: +7 (495) 250-61-18. E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0001-5695-6915

Ethnic Resources of Tuva in National Policy Scenarios

Maxim S. Mikhalev

Russian State University for the Humanities, Russian Federation

The borderlands often make up a new transborder entity featuring unique social, cultural and political resources that may be ethnically tinged when those areas are inhabited by transborder or culturally similar ethnic minorities. Although researchers have long been interested in borderlands, the role of the ethnic factor in their rise and life has so far rarely been a subject of systematic research. This article focuses on the ethnic potential of Russian Federation's Republic of Tuva that borders Mongolia and has close historical connections with China.

Elaborating on the current practices of its leverage, the author arrives at a paradox: despite having a significant ethnic capability of Tuva under its control, the state currently makes very little use of it. The article argues that the real reason behind this paradox is the reluctance to accept the otherness of the border area population. This otherness is often seen as a threat instead of embracing it with all the cultural difference it entails.

The article proposes a shift in borderlands policy and suggests a set of measures for incorporating the ethnic capability of the Tuvan borderlands into the single cultural, economic and political space of the country.

Keywords: transborder areas; ethnic factor; national policy; Tuva; Mongolia

---

The article has been prepared as part of the project "The role of the ethnic factor in providing national security of the Russian Federation and socioeconomic development of the borderlands of Siberia and the Far East", Federal Program of fundamental and applied studies "Ethnocultural variety of the Russian society and the enhancement of Russian identity", 2020–2022.

For citation:

Mikhalev M. S. Etnicheskiy potentsial Respubliki Tuva v stsenariiakh gosudarstvennoi politiki [Ethnic Resources of Tuva in National Policy Scenarios]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 188-197. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.13>

Введение

Любое трансграничное пространство является, в той или иной степени, особенной территорией и одновременно социокультурным новообразованием (Воронченко, Сокольских, 2012: 189). Даже на этом фоне Республика Тува, субъект Российской Федерации, расположенная в непосредственной близости от границы с Монголией, может с полным правом считаться уникальным географическим, политическим и культурно-историческим феноменом. Однако несмотря на то, что и на российской, и на монгольской стороне проходящей по ее территории государственной границы проживают родственные народы, тувинцы и монголы, тот значительный этнокультурный, этносоциальный и этнополитический потенциал, которым они обладают в силу своего географического положения, до сих пор остается недооцененным, неизученным и невостребованным.

Во многом это связано с тем, что «одержимость безопасностью стала характерной чертой пост-индустриальной эпохи» (Введение в исследования ... , 2016: 51), и общественное мнение относится к любым трансграничным народам с долей подозрения. Фундаментом недоверия, как правило, выступает их культурная непохожесть на жителей центральных районов и та относительная легкость, с которой они могут взаимодействовать с соплеменниками, проживающими по ту сторону государственного рубежа. В этой связи единственно верным решением в том, что касается политики

в отношении всех трансграничных народов, как правило, признается лишь курс на ограничение и плотный контроль их внешних контактов, а также их унификацию и постепенную интеграцию в единое социальное, культурное и экономическое поле страны.

В противоположность такому подходу, в данной статье анализ производится в рамках парадигмы приграничных исследований, заданной Ф. Бартом (Barth, 1969), которая предполагает особое внимание к границам как феномену, обуславливающих появление и существование социальных групп. В частности, принимается характерное для подобного подхода положение о том, что «начертания и функции границ, в конечном счете, определяются лояльностью граждан своему государству по обе стороны границы» (там же: 45). Важным при этом видится и то, что приграничные и трансграничные территории рассматриваются Ф. Бартом и его последователями как локомотивы роста, а не как препятствие на его пути, в то время как обеспечение безопасности границ с их точки зрения требует деятельного участия самого приграничного населения.

Этнический потенциал трансграничного пространства

Большинство приграничных районов, расположенных в зоне бывшего российско-китайского трансграничья, простиравшегося от побережья Тихого океана в районе Находки вплоть до Ваханского коридора на границе Афганистана, Таджикистана и Пакистана, обладают собственной, хотя и не ярко выраженной субъектностью. Каждый из них, включая Приморье, Приамурье, Забайкалье, Бурятию, Туву, Алтай, восточные районы Казахстана и Киргизии, а также Памир, имеет уникальный, неповторимый характер и при этом обладает значительным культурным, духовным, социально-экономическим и политическим ресурсами. Важнейшим условием формирования такого ресурса традиционно выступала сущность российско-китайского трансграничья как последовательности латентных буферных зон, отделяющих друг от друга срединные районы двух государств и населенных коренными и малочисленными народами, отличающимися от русских и ханьцев по ряду существенных признаков. С одной стороны, их представители, проживавшие по разные стороны границы, на протяжении большей части своей истории являлись подданными России либо Китая. В то же самое время, с историко-культурной точки зрения, они зачастую имели больше общего со своими сородичами за рубежом, чем с жителями внутренних районов собственной страны. К подобным, трансграничным народам, в частности, относились нанайцы, корейцы, эвенки и ороконы, буряты, алтайцы, казахи, киргизы и памирцы.

Одним из народов бывшего российско-китайского трансграничья являются как тувинцы, в настоящее время проживающие как на территории Монголии и КНР (Монгуш, 2010; Юша, 2017), так и те, кто живут на территории Республики Тува Российской Федерации. В связи с этим Ч. К. Ламажаа утверждает, что «Тува выступает как одна из особых пограничных территорий, которые в современных исследованиях цивилизаций, в политической и философской науках называются разными терминами: «пограничье», «трансграничье», «лимитроф» («лимитрофная зона», «лимитрофная территория»), «буферная зона» и пр.» (Ламажаа 2021: 180). Ее история содержит множество драматических страниц, а двойственная идентичность коренных народов трансграничного пространства предоставляет ее жителям возможность пользоваться материальными и нематериальными «ресурсами», которыми располагает родственные им народы, проживающие по другую сторону границы. Подобный «экспорт» идей, концепций и возможностей из-за рубежа, как правило, недоступен не только жителям центральных районов, но даже самому государству, и именно он служит основой для формирования уникального потенциала приграничных районов каждой из стран (Михалев, 2019а).

Что касается конкретных форм «заимствования», а стало быть, и способов проявлений трансграничного этнического потенциала, то стоит, прежде всего, выделить сферу культуры и духовную жизнь. Проживающие в приграничных районах двух стран коренные и малочисленные народы довольно часто черпают идеи, образы, доктрины и символы из-за пределов страны своего фактического проживания. Примером подобной культурной инкорпорации является тибетский буддизм, распространенный во многих регионах Азии, в том числе и среди тувинцев. Уникальные знания, в том числе и медицинские, накопленные в рамках буддистской традиции, присущие ей образцы живописи и архитектуры, а также огромный морально-нравственный, философский и духовный потенциал этой религии становится частью общего культурного достояния нашей страны во многом именно благодаря их истории и расположению на границе миров. При этом для самих тувинцев, как и для таких же

трансграничных бурят и калмыков, он в свою очередь служит одним из фундаментом их идентичности (Жуковская, 2008; Монгуш, 2001; Бакаева, 1994).

Известно, что «если граница сохраняется как зона общения — она обычно и зона творчества, зона формирования культур» (Лихачев, 1996: 104). Действительно, и прямая инкорпорация тех или иных элементов культуры из-за рубежа, и формирование в приграничье новых, синкретических форм знания в состоянии существенно обогатить духовную жизнь всей страны. В случае реализации местными и центральными властями грамотной культурной политики, заимствования и изобретения могут также способствовать формированию общегражданской нации, что можно наблюдать на примере возрождения традиции празднования нового года по лунно-солнечному календарю в России. В приграничном с Китаем Забайкальском крае и в Республике Бурятия его празднование уже стало, по сути, общенародным (Хабудаева, 2014: 44). С одной стороны, это приводит к расширению кругозора всех граждан России, проживающих в регионе, независимо от их национальности; в то же самое время совместное празднование традиционного праздника способствует росту взаимного уважения и взаимного понимания между народами, а стало быть, еще больше сплачивает их. Такая же политика осуществляется и в Туве, где празднование традиционного праздника Шагаа становится фундаментом для объединения всех народов, проживающих на территории республики.

С точки зрения использования трансграничного этнокультурного потенциала, не меньшую пользу может принести Туве и развитие этнокультурного туризма при условии того, что этим будет заниматься коренное население региона. Там, где туристическую деятельность берут под свой контроль местные жители, озабоченные сохранностью традиций и окружающей среды, как это, к примеру, произошло на Алтае в парке Уч-Энмек, использование трансграничного культурного потенциала оказывается не просто морально оправданным, но при этом еще и прибыльным (Михалев, 2018a: 98–100).

В том, что касается извлечения экономической выгоды, потенциал приграничных районов, в том числе Тувы, включает в себя также развитие трансграничной торговли, основанной на родственных связях и традиционных практиках обмена. Эффективность такого рода экономической деятельности доказывает пример шэнэхэнских бурят, проживающих в Китае неподалеку от границы с Россией и Монголией. Избегав в свое время ассимиляции, им удалось сохранить крепкие трансграничные связи, а также многие аспекты своей традиционной культуры, в том числе семейные ценности, социальную структуру и родной язык. В свою очередь, завидная сохранность базовых элементов традиционной культуры стала залогом их современного материального благополучия (Балдано, 2015: 293). Следует особо подчеркнуть, что основанный на внутризэтнической солидарности и общности исторических судеб бизнес, которым заняты шэнэхэнские буряты, приносит определенную выгоду и государству также. Растет внешнеторговый оборот страны, увеличивается благосостояние жителей ее периферии, улучшается образ страны за рубежом.

На территории Тувы — в Эрзинском и Овюрском районах — также находятся международные пограничные пункты пропуска Цагаан-Тологой и Хандагайты, а по обе стороны границы проживают родственные друг другу группы монголов и тувинцев. До недавнего времени языковая общность, к примеру, монголоязычных тувинцев, проживающих в с. Нарын Эрзинского района, позволяла им играть значительную роль в организации трансграничной торговли с Монголией и даже с Китаем и при этом извлекать из этого существенную выгоду для себя. Однако недавнее закрытие рынка в районном центре и ужесточение политики государства в сфере регулирования приграничной торговли привели к тому, что ее потенциал в данное время практически не используется. Одновременно с этим строительство магистральных транспортных коридоров по территории Тувы приводит к тому, что основными выгодоприобретателями международной торговли становятся организации, расположенные за ее пределами.

Обладают народы приграничья и уникальным оборонным потенциалом. С одной стороны, это связано с тем, что зачастую только их представители могут похвастать знанием труднодоступной и малоисследованной приграничной местности. Они также владеют специальными навыками, необходимыми для проживания в соответствующих природных и климатических условиях. Ценность для государства представляет при этом и готовность коренных жителей приграничья защищать территорию своей страны от посягательств извне, которая бывает обусловлена их историческим опытом. Не секрет, что когда в начале XX века на территорию Тувы претендовали Китай и Монголия, ей удалось отстоять свой суверенитет лишь благодаря помощи России (Бичелдей, 2014; Моллеров, 2014).

Этот факт до сих пор способствует тому, что лояльность коренных жителей республики к Российскому государству остается стабильно высокой, а их способность выживать в трудных условиях принесла призывникам республики заслуженную славу бесстрашных воинов. Понимание всего комплекса проблем, существующих во взаимоотношениях между родственными народами, проживающими по обе стороны государственного рубежа, и властями соседнего государства, а также использование исторических обид того или иного коренного народа приграничья способны оставаться важным фактором повышения обороноспособности страны и в будущем.

Парадоксы государственной политики

В том случае, когда государство избирает в отношении собственных периферийных районов тактику осторожного, но при этом все-таки равноправного сотрудничества, это приводит к положительным результатам как для самих коренных народов приграничья, так и для страны в целом. Связано это с тем, что «если в двумерной плоскости остается измерение «центр-периферия», то многомерное пространство Приграничья преодолевает его, становясь в сфере воображения условием для создания трансграничной коммуникации и транскультурного гуманитарного знания» (Морохоева, 2012: 7).

В результате трансграничных обменов, плоды которых становятся доступным всему населению страны, растет общий культурный уровень ее населения, укрепляется единство населяющих ее народов, развиваются международные экономические связи, повышается обороноспособность. Для этого государству оказывается достаточным лишь предоставить в распоряжение носителей народной культуры или духовных лидеров приграничья имеющиеся в его распоряжении организационные ресурсы, а также обеспечить благоприятные условия для реализации ими своих задатков и способностей. Получив таким образом доступ к общенациональному культурному пространству, они будут стремиться стать его неотъемлемой частью. В то же время моральный ресурс маргинальных религиозных течений, которые также часто проявляются в трансграничье, может способствовать достижению общегражданской сплоченности, а экономический потенциал приграничной торговли приводит к росту трансграничного товарооборота. Параллельно с этим, уникальный политический и оборонный ресурс жителей приграничья повышают уровень защищенности национальных границ, благотворно сказываясь на обороноспособности страны.

Парадоксально, но несмотря на подобный очевидно положительный эффект от либерализации политики в отношении коренных народов приграничья, государство обычно стремится взять их под свой контроль и по этой причине плохо использует их этнокультурный, этнополитический и этносоциальный потенциалы. Анализ современной ситуации и программ развития Тувы, к примеру, говорит о том, что власти страны больше стремятся к интеграции и унификации этой приграничной территории, нивелированию культурных и политических особенностей ее населения и, таким образом, лишению его описанной выше «плодотворной непохожести». В то время как в центре склонны регламентировать прямые контакты жителей республики с соседями по ту сторону государственного рубежа¹, их либерализация могла бы способствовать «втягиванию» населения Монголии в орбиту влияния России, при этом сами жители Тувы были бы способны выступать в роли своеобразных посланцев российской культуры.

Интересно, что к снижению потенциала приграничных территорий и к потере их жителями своего уникального ресурса приводят не только действия, направленные на нивелирование их непохожести, но и попытки ее же акцентирования, что часто находит свое отражение в экзотизации и последующем присвоении культурного наследия коренных народов периферии. В то время как в России подобные процессы происходят в основном на соседнем с Тувой и таком же приграничном Алтае, их воздействие на жизнь тувинцев можно наблюдать в Сынцзыне (Михалев, 2019b). Здесь, правительство КНР в кооперации с крупным бизнесом уже в течение, по меньшей мере, последних двух десятилетий усиленно эксплуатирует уникальный культурный ресурс их небольшой этнолокальной группы, проживающей в районе озера Канас. Всеобъемлющая коммерциализация образа жизни, народных верований и особенностей культуры превращает традиционную народную культуру в чистый декорум, а самих тувинцев в лишенных дома маргиналов, единственным приемлемой жизненной стратегией для которых оказывается переезд в другие регионы страны (Ню Юкун, 2014; Чжао Нань, 2013).

¹ Монгольские рынки в Туве опустели [Электронный ресурс] // Тува-онлайн. 2007. 24 января. <https://www.tuvaonline.ru/2007/01/24/rynok.html> (дата обращения: 12.02.2022).

Возможные стратегии

Политолог В. Цымбурский однажды назвал приграничные регионы России ее «защищающим и подпитывающим *пределом*» (Цымбурский, 2000: 25), и это его определение помогает пролить свет на описанный выше феномен нерационального неприятия их государством. Принимая во внимание то, что предел любой структуры является ее противоположностью и при этом содержит вытесненную на дальнюю периферию и в дальнейшем трансформировавшуюся суть самой этой структуры, ее своеобразным двойником, становится понятным, что приграничье видится государству опасным «своим иным». В подобной интерпретации проблемы становится очевидным и то, что источником формирования особого потенциала приграничья является то, что оно, по своей сути, является резервной копией государства и потому способно заменить его в случае возникновения тех или иных кризисных явлений. Именно по этой причине государство, во многом подсознательно, стремится лишиться свое собственное приграничье силы, видя в нем лишь альтернативу самому себе и, стало быть, экзистенциальную угрозу собственному существованию. В действительности же, этот потенциал, хотя при определенных условиях и может представлять серьезную опасность, в то же время легко мобилизуется в его собственных интересах.

С одной стороны, очевидно, что политика уничтожения, частичной нивелировки или эрозии этнической специфики Тувы, достигаемой в результате унификации и гомогенизации культуры населяющих их народов, а также ограничения их внешних контактов, является контрпродуктивной и требует корректировки. С другой стороны, следует избегать и излишней либеральности и неоправданной конвергенции потенциалов центра и периферии, ибо это, в свою очередь, может негативно сказаться на уровне устойчивости и конкурентоспособности самого государства. Оптимальной при этом видится такая модель, при которой этнокультурный, этносоциальный и этнополитический ресурс Тувы приветствуется, оберегается и сохраняется государством, но при этом рекрутируется им лишь в исключительных случаях. Оправданным в этом случае является смещение акцента с жестких, по большей части, запретительных и контролирующих мер на проведение более мягкой политики «встраивания» локального ресурса в общегосударственную структуру.

Говоря о том, от чего необходимо отказаться, следует, прежде всего, упомянуть насильственный слом традиционной системы координат, включая запреты на осуществление традиционной хозяйственной деятельности. Превратив своих граждан в послушных и покорных, но не способных к защите самих себя и своей страны, есть риск того, что в том случае, когда это окажется необходимым, «прирученные» и «усмиренные» жители периферии окажутся не в состоянии исполнить свой патриотический долг. В особенности это касается защиты самого приграничья, их малой родины, характер и географические особенности которой они понимают лучше, чем кто-либо еще. Лишение их этой привязанности, а в самом худшем варианте, лишение их даже самой этой земли не просто снижает обороноспособность страны и наносит серьезный удар по ее международному авторитету, но и способно оставить ее беззащитной в случае возникновения серьезной угрозы ее суверенитету (Макиавелли, 2018: 128).

В том, что касается духовного и культурного ресурса коренных народов Тувы, желательно избежать бесконтрольного развития туризма и превращение их культуры в так называемый бренд в том виде, как это произошло на Алтае или у тувинцев Канаса. По своей сути, подобная политика представляет собой не что иное, как закамуфлированную апроприацию культуры, и, в конце концов, приводит к тому, что маргинализованное и лишенное самоуважения коренное население станет мигрировать в центральные районы страны. Прибытие же мигрантов из внутренних провинций, заинтересованных в развитии здесь бизнеса, будет не способно заменить коренных жителей ни в том, что касается владения особыми навыками жизни в суровых местных условиях, ни в том, что касается понимания аспектов межкультурного взаимодействия. Подобная подмена способна привести лишь к росту конфликтогенности.

Развитие этнокультурного туризма в Туве при этом все же необходимо. Следует, однако, проявить чувство меры и при этом обладать достаточной чувствительностью для того, чтобы избежать профанации и коммерциализации народной культуры. Лучшей стратегией следует признать передачу значительной части полномочий по организации туризма самим местным жителям, как это происходит, к примеру, на Памире (Steinberg, 2011). Их искренняя заинтересованность в сохранении и развитии своей народной культуры, а также глубокое понимание вопроса будет в этом случае вознаграждено ростом уровня их материального благосостояния. В свою очередь, жители остальных районов страны

смогут в этом случае ознакомиться именно с аутентичными образцами народной культуры Тувы. Безо всякого сомнения это будет способствовать не только ее пропаганде и, одновременно, расширению кругозора россиян, но и поможет достижению более высокого уровня взаимопонимания среди населяющих ее народов, а стало быть, укрепит и гражданское единство нации.

В тесной связи с развитием этнокультурного туризма должны идти мероприятия по поддержке внешнеэкономической деятельности жителей республики. Так, передача в их руки части трансграничной торговли, которой они могли бы заниматься, используя родственные сети по обе стороны государственного рубежа, позволит им сохранить свою культуру и язык, которые в данном случае окажутся востребованными в среде молодого поколения, а также повысит уровень их материального благосостояния. В то же самое время это будет способствовать поддержанию духа сотрудничества в буферной зоне, ибо активная роль коренных народов приграничья в трансграничной торговле минимизирует контакты между представителями центральных районов страны, не обладающих достаточным пониманием культурных и человеческих особенностей своих партнеров.

Ни в коем случае нельзя допускать ситуации, при которой будет игнорироваться или стигматизироваться культурный или духовный потенциал Тувы. К сожалению, в последнее время это часто происходит на страницах федеральных СМИ, где непохожесть Тувы преподносится как ее негативная и при этом крайне опасная характеристика¹. Следует понимать, что в подобном случае он может принимать извращенные и неестественные формы, а иногда попросту уходить в подполье, где его сила обычно умножается, наблюдение за ходом развития и возможными отклонениями затруднено, а использование на благо общества и вовсе невозможно. Следует понимать, что в такой ситуации любое традиционное верование или религиозная практика способны приобрести антигосударственную направленность при том, что будут находиться в зоне полной бесконтрольности.

Для того чтобы полностью избежать реализации подобного сценария, имеет смысл предоставлять духовным лидерам республики возможности для самовыражения и вовлекать их в решение общегосударственных задач. В этом случае благосклонность властей будет восприниматься ими с благодарностью, при этом у них не будет возникать желания полностью взять в свои руки все рычаги управления и заместить собой государственные институты. Примером успешности подобной практики можно считать визит в Туву Б. Н. Ельцина в 1994 г. и его общение с тувинскими шаманами².

В общем и целом, в том, что касается обращения с культурным ресурсом населения Тувы, самым эффективным методом его использования следует признать его аккуратное встраивание в общенациональное культурное пространство. Этого можно достигнуть через предоставление в распоряжение местной народной традиции и креативного потенциала проживающих на перекрестке культур жителей приграничья тех каналов и механизмов, что имеются в распоряжении государства (Михалев, 2018b: 48). Речь здесь идет не только о предоставлении тувинским культурным деятелям доступа к региональным и федеральным площадкам, но и о возможности включения информации о традициях и культуре коренных народов республики в общенациональные образовательные программы, а также о поддержке местных народных праздников центральными властями. Не секрет, что тувинское горловое пение, к примеру, давно стало международным брендом республики, привлекает большое количество туристов из-за рубежа и даже рассматривается в качестве национальной идеи для населения республики. В то же самое время внутри России оно до сих пор известно лишь узкому кругу специалистов и популяризуется исключительно энтузиастами (Ламажаа, Сузукей, 2019).

Повышенная чувствительность жителей приграничья к вопросам безопасности, их желание защитить родной дом, а также четкое понимание ими местных реалий также должно обратить на себя внимание центральной власти. Не секрет, что «интересы государства в поддержании неприкосновенности границ совпадают с интересами местных сообществ в поддержании собственной целостности» (Wilson, Donnan, 1998: 49). Безусловно, случаи трансграничного конокрадства, которые периодически омрачают отношения братских народов Тувы и Монголии, поощрять не следует. Однако не стоит забывать и

¹ Васильчук Т., Докшин В. От Тувы до самых до окраин. Как в беднейшем регионе отражаются проблемы большой России: кланы, безработица, вождизм [Электронный ресурс] // Новая газета. 2021. № 56. 26 мая. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/05/22/ot-tuvy-do-samykh-do-okrain> (дата обращения: 17.01.2022).

² Уолтерс Ф. Религия в Тыве / пер. с англ. Н. Булякова [Электронный ресурс] // Keston Institute. 2008. URL: <https://www.keston.org.uk/enc/encyclo/12%20Tuva.html> (дата обращения: 17.01.2022).

о том, что угроза эскалации трансграничного конфликта в этом вопросе делает жителей республики лояльней способной встать на защиту их интересов центральной власти, а их знание приграничной местности может при грамотном подходе повысить обороноспособность страны. Следует, к примеру, активнее привлекать их и к охране границы, в ходе которой их специфические навыки жизни в сложных условиях могут находить свое применение на практике.

Следует также обращаться за помощью к местным жителям в ходе формирования планов межгосударственной кооперации, использовать их знания при переговорах на местном, региональном и федеральном уровне, а также чаще прислушиваться к их опасениям, пожеланиям и предложениям в том, что касается взаимодействия с соседним государством. На самом деле, в их представлениях о перспективах и рисках международного сотрудничества содержится гораздо больше здравого смысла, чем это принято полагать в Москве.

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что следует, по возможности, стремиться к тому, чтобы сохранить в неизменности характер Республики Тува как особой буферной зоны, стоящей особняком от остальных стран и существенно отличающейся от остальных ее регионов. При этом особая аккуратность требуется в том, что касается обращения государства с уникальным культурным и духовным ресурсом республики. Любые попытки поглотить или полностью акцептировать те или иные особенности духовной и культурной жизни коренных народов трансграничья могут, на самом деле, породить лишь недолговечные, гротескные химеры. Вместо этого необходимо проявить уважение к традициям региона, выражая готовность к тому, чтобы принять их и оставить такими, какие они есть.

В той же степени, что и возникновения барьеров между соприкасающимися культурами, следует опасаться и излишней экзотизации или навязанной конвергенции двух непохожих друг на друга традиций. В то время как последнее может означать отмирание буферной зоны, первое может привести к ее ассимиляции, что, в итоге, может оказаться в равной степени нежелательным и для самого государства, и для его приграничья. Другими словами, речь должна идти о том, чтобы две части единой сущности, государство и его приграничный регион, Республика Тува, сохраняли не только свое культурное и духовное единство, но и при этом пестовали автономию друг друга. Именно в этом и стоит формула гармоничного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакаева, Э. П. (1994) Буддизм в Калмыкии: Историко-этнографические очерки. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 127 с.
- Балдано, М. Н. (2015) Процесс национального строительства в современной Бурятии: трансграничные вызовы — риски и возможности // Трансграничные вызовы национальному государству / ред. С. Панарин. СПб. : Интерсоцис. 389 с. С. 282–304.
- Бичелдей, К. А. (2014) Особенности исторического момента в Урянхайском крае между начертаниями Николая II «Согласен» и «Успешно» в 1914 году // Новые исследования Тувы. № 3. С. 14–33.
- Введение в исследования границ (2016) / ред. С. В. Севастьянов, Ю. Лайне, А. А. Киреев. Владивосток : Дальнаука. 426 с.
- Воронченко, Т. В., Сокольских, Н. Н. (2012) Трансформация культуры пограничья в условиях глобализации // Гуманитарный вектор. № 3(31). С. 187–192.
- Жуковская, Н. Л. (2008) Буддизм и шаманизм как факторы формирования бурятского менталитета // Религия в истории и культуре монгольязычных народов России / ред. Н. Л. Жуковская. М. : Восточная литература. 319 с. С. 9–36.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Ламажаа, Ч. К., Сузукей, В. Ю. (2019) Тувинское горловое пение как нематериальное культурное наследие и как культурный бренд Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>
- Лихачев, Д. С. (1996) Очерки по философии художественного творчества. СПб. : Рус.-балт. информ. центр «Блиц». 158 с.

- Макиавелли, Н. (2018) Государь. СПб. : Азбука. 512 с.
- Михалев, М. С. (2018a) Малые народы в контексте природоохранной деятельности: защищающие или защищаемые? // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 3(45). С. 94–102.
- Михалев, М. С. (2018b) Празднование сагаалгана у бурят России и Китая: Социально-политическое измерение народного праздника // Традиционная культура. № 1(69). С. 40–51.
- Михалев, М. С. (2019a) Приграничье — территория скрытых возможностей. К вопросу о корректировке исследовательской парадигмы // Центр и периферия. № 1. С. 4–10.
- Михалев, М. С. (2019b) О влиянии массового туризма на культуру, образ жизни и идентичность тувинцев Синьцзяна // Традиционная культура. № 2. С. 23–35.
- Моллеров, Н. М. (2014) Протекторат России над Тувой в 1914–1924 гг. (историко-правовой аспект) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 47–57.
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 197 с.
- Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный музей этнологии. 358 с.
- Морохоева, З. (2012) Вступительное слово // *Debaty Artes Liberales*. Том VI. Пограничье культур — культура пограничья / ред. З. Морохоева. Варшава : Wydzial Artes Liberales. 312 с. С. 5–9.
- Хабудаева, В. А. (2014) Национальные праздники в системе традиционных социокультурных ценностей бурятской молодежи // Вестник Бурятского государственного университета. № 14(2). С. 43–46.
- Цымбурский, В. Л. (2000) Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М. : URSS. 144 с.
- Чжао Нань (2013) 赵楠. 别样的童年—民族旅游背景下的儿童成长启示 [Разное детство: уроки взросления на фоне этнического туризма]. Пекин : Университет национальностей. 91 с. (На кит. яз.)
- Юша, Ж. М. (2017) Тувинцы Китая в XXI веке: вехи истории и современное состояние // Новые исследования Тувы. № 1. С. 101–117.
- Barth, F. (1969) *Ethnic groups and boundaries the social organization of culture difference*. Boston : Little Brown. 153 p.
- Hou Yuxin (2014) *The Analysis of Current Situation of Tuva people in China* // Новые исследования Тувы. № 1. С. 96–103.
- Steinberg, J. (2011) *Ismaili Modern: Globalization and Identity in a Muslim Community*. Chapel Hill : The University of North Carolina Press. 234 p.
- Wilson, T. M., Donnan, H. (1998) *Border Identities. Nation and State at International Frontiers*. Cambridge : Cambridge University Press. 301 p.

Дата поступления: 15.03.2022 г.

REFERENCES

- Bakaeva, E. P. (1994) *Buddizm v Kalmykii. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Buddhism in Kalmykia: Historical and ethnographic essays]*. Elista, Kalmyk Publishing House. 128 p. (In Russ.).
- Baldano, M. N. (2015) *Protsess natsional'nogo stroitel'stva v sovremennoi Buriatii: transgranichnye vyzovy — riski i vozmozhnosti [The process of nation building in contemporary Buryatia: cross-border challenges — risks and opportunities]*. In: *Transgranichnye vyzovy natsional'nomu gosudarstvu [Cross-border challenges to the nation state]* / ed. by S. Panarin. St. Petersburg, Inter-sotsis. 389 p. Pp. 282–304. (In Russ.).
- Bicheldei, K. A. (2014) *Osobennosti istoricheskogo momenta v Uriankhaiskom krae mezhdru nachertaniiami Nikolaia II «Soglasen» i «Uspeshno» v 1914 godu [Historical momentum in Uryakhai krai between two 1914 resolutions by Russian emperor Nicholas II: “I concur” and “Successful”]*. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 14–33. (In Russ.).
- Vvedenie v issledovaniia granits [Introduction to borderlands research]* (2016) / ed. by S. V. Sevast'ianov, Yu. Laine and A. A. Kireev. Vladivostok, Dal'nauka. 426 p. (In Russ.).
- Voronchenko, T. V. and Sokol'skikh, N. N. (2012) *Transformatsiia kul'tury pogranch'ia v usloviakh globalizatsii [Transformation of borderland culture in the context of globalization]*. *Gumanitarnyi vector*, no. 3(31), pp. 187–192. (In Russ.).
- Zhukovskaia, N. L. (2008) *Buddizm i shamanizm kak faktory formirovaniia buriatskogo mentaliteta [Buddhism and Shamanism as factors in the formation of the Buryat mentality]*. In: *Religiia v istorii i kul'ture mongoloiazychnykh narodov*

Rossii [Religion in the History and culture of the Mongolian-speaking peoples of Russia] / ed. by N. L. Zhukovskaia. Moscow, Vostochnaia literatura. 319 p. Pp. 9–36. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religiia i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lamazhaa, Ch. K. and Suzukei, V. Yu. (2019) Tuvinskoe gorlovoe penie kak nematerial'noe kul'turnoe nasledie i kak kul'turnyi brend Tuvy [Tuvan throat singing as intangible cultural heritage and as Tuva's cultural brand]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 72–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>

Likhachev, D. S. (1996) *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva [Essays on the philosophy of artistic creativity]*. St. Petersburg, Rus.-balt. inform. tsentr «Blits». 158 p. (In Russ.).

Machiavelli, N. (2018) *Gosudar' [The Prince]*. St. Petersburg, Azbuka. 512 p. (In Russ.).

Mikhalev, M. S. (2018a) Malye narody v kontekste prirodookhrannoi deiatel'nosti: zashchishchaiushchie ili zashchishchaiushchiesia? [Indigenous nations in the context of environmental protection: protecting something or defending from something?]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3(45), pp. 94–102. (In Russ.).

Mikhalev, M. S. (2018b) Prazdnovanie sagaalgana u buriat Rossii i Kitaia: Sotsial'no-politicheskoe izmerenie narodnogo prazdnika [The celebration of sagaalgan by the Buryats of Russia and China: A socio-political dimension of the national holiday]. *Traditsionnaia kul'tura*, no. 1(69), pp. 40–51. (In Russ.).

Mikhalev, M. S. (2019a) Prigranich'e — territorii skrytykh vozmozhnostei. K voprosu o korrektyrovke issledovatel'skoi paradigmy [Borderlands as the territory of hidden opportunities: towards a change in the research paradigm]. *Tsentr i periferiia*, no. 1, pp. 4–10. (In Russ.).

Mikhalev, M. S. (2019b) O vliianii massovogo turizma na kul'turu, obraz zhizni i identichnost' tuvintsev Sin'tsiana [On the impact of mass tourism on the culture, lifestyle and identity of Tuvans in Xinjiang]. *Traditsionnaia kul'tura*, no. 2, pp. 23–35. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2014) Protektorat Rossii nad Tuvoi v 1914–1924 gg. (istoriko-pravovoi aspekt) [The protectorate of Russia over Tuva in 1914–1925 (an historic and legal aspect)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 47–57. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI — konets XX v.) [The History of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2010) *Odin narod: tri sud'by. Tuvintsy Rossii, Mongolii i Kitaia v sravnitel'nom kontekste [One people, three destinies. Tuvans of Russia, Mongolia and China in a comparative context]*. Osaka, Natsional'nyi muzei etnologii. 358 p. (In Russ.).

Morokhoeva, Z. (2012) Vstupitel'noe slovo [Opening remarks]. In: *Pogranich'e kul'tur — kul'tury pogranich'ia [Borderlands of cultures — cultures of the borderlands]* / ed. by Z. Morokhoeva / DEBATY ARTES LIBERALES. T. VI. Warszawa, Instytut Badań Interdyscyplinarnych «Artes Liberales», Uniwersytet Warszawski. 312 p. P. 5–9. (In Russ.).

Khabudaeva, V. A. (2014) Natsional'nye prazdniki v sisteme traditsionnykh sotsiokul'turnykh tsennostei buriatskoi molodezhi [National holidays in the system of traditional socio-cultural values of Buryat youth]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 14(2), pp. 43–46. (In Russ.).

Tsyburskii, V. L. (2000) *Rossia — Zemlia za Velikim Limitrofom : tsivilizatsiia i ee geopolitika [Russia — The Land beyond the Great Limitrophe: Civilization and its Geopolitics]*. Moscow, Editorial URSS. 144 p. (In Russ.).

Chzhao Nan' (2013) 赵楠. 别样的童年—民族旅游背景下的儿童成长启示 [Different childhood: lessons of growing up against the background of ethnic tourism]. Pekin, Universitet natsional'nostei. 91 p. (In Chinese)

Yusha, Zh. M. (2017) Tuvintsy Kitaia v XXI veke: vekhi istorii i sovremennoe sostoianie [Tuvans in 21st century China: history and contemporary situation]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 101–117. (In Russ.).

Barth, F. (1969) *Ethnic groups and boundaries the social organization of culture difference*. Boston, Little Brown. 153 p.

Hou Yuxin (2014) The Analysis of Current Situation of Tuva people in China. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 96–103.

Steinberg, J. (2011) *Ismaili Modern: Globalization and Identity in a Muslim Community*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press. 234 p.

Wilson, T. M. and Donnan, H. (1998) *Border Identities. Nation and State at International Frontiers*. Cambridge, Cambridge University Press. 301 p.

Submission date: 15.03.2022.